
Владимир СОФИЕНКО

РАССКАЗЫ

БЕЖЕНЦЫ

1

Посреди ночи Олеся разбудил оглушительный грохот с улицы. В единственном окне комнаты брякнули стекла, но уцелели. «Гроза!» — спросонок подумала Олеся. Здесь, на востоке Украины, случаются и не такие... Но последовавший огромной силы выбух чуть не скинул Олеся с постели. Стены комнаты как будто напряглись и мелко задрожали, стекла выдержали и это. Мощная волна, накрывшая спящую улицу Константиновки, распахнула балконную дверь, впустив в комнату холод мартовской ночи.

Вскочив с постели, муж кинулся к двери, закрыл ее. Олеся села на постель, поджав под себя ноги.

— Что там? — испуганно спросила она как будто не своим голосом.

Нет, не гроза, Олеся уже поняла, но, как в детстве, накинула на голову одеяло, будто это могло сдержать страх, сдавивший сердце.

Артем чуть отодвинул штору и, шагнув в сторону, прижался спиной к стене. Вытянув шею, он высматривал, что происходит на улице. А там уже полыхало здание.

— Военкомат горит. По-моему, разбомбили, — сказал он и, осмелев, приблизился к окну.

Но вдруг снова отпрянул: ему показалось, большая тень промелькнула мимо него. В эту секунду он почувствовал себя беспомощным перед некой темной силой, которая была совсем рядом.

— Кто разбомбил? — обронила Олеся все еще не в силах справиться с шоком.

В вопросе этом смысла не было: слышались звуки выстрелов, и так понятно, чьи войска выбрали целью городской военкомат.

— Дед Пихто! — нагрубил Артем, но сразу осекся: вспомнил, что у жены порок сердца, лишние волнения противопоказаны.

В ту ночь их прежнего относительного спокойствия, с которым они научились жить за восемь лет, не стало: снаряды, летящие со стороны востока, расчертили небо, а заодно жизнь на «до» и «после». Что там впереди? Неизвестность.

Артем напряженно наблюдал, как над крышами пятиэтажек, словно в кошмарном сне, восходит кровавое зарево. Совсем недавно ему казалось, что война далеко, люди

Владимир Геннадьевич Софиенко родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан). Окончил Карельскую государственную педагогическую академию (социальный психолог). Прозаик, автор книг «Ожидание в 2000 лет» (Петрозаводск, 2008), «Под солнцем цвета киновари» («Северное сияние», 2012), «Смотритель реки» («Версо», 2015). Дипломант литературной премии «Золотой витязь». Публиковался в журналах «Север», «Нижний Новгород», «Петровский мост», «Снегири», «Балтика», «Полдень XXI век» и др. Рассказы переведены на финский, армянский, японский языки. Живет в деревне Корза (Карелия).

гибнут, но не здесь, а где-то там... Сначала он узнавал о войне из новостей, приходивших из Донецка, и вот она подступила к маленькой Константиновке, загромыкала канонадой то приближающегося, то отдаляющегося фронта.

Пытаясь собраться с мыслями, Артем глубоко дышал. А в голове возникали вопросы. Что делать? Бежать на запад страны? Или еще дальше — в Польшу? Ждать, когда город освободят ополченцы? А если его, Артема, призовут в ВСУ или вынудят вступить в добробаты? Теперь он решил, что пожар в военкомате ему на руку: сгорят все документы. А что будет с Олесей? Как уберечь ее? И все же призрачная надежда на то, что украинские войска по-тихому уйдут из города, еще теплилась в душе Артема.

Он взглянул на Олесю, пытаясь не выдать ей своего волнения: сейчас надо собраться с мыслями, принять решение. Но липкое чувство страха не отступало, мешало думать спокойно и взвешенно.

Вдруг с запозданием взвыла сирена: воздушная тревога. Артем вздрогнул.

Вышла из ступора Олеся:

— Надо забрать Мурчика и бежать в бомбоубежище в подвал!

Она скинула с себя одеяло и в одной сорочке бросилась на поиски кота. Через мгновение в нерешительности остановилась посреди комнаты, обхватив голову руками.

— Не успеем! Точно не успеем, — озвучил опасения жены Артем. К нему наконец вернулось самообладание. — Пока оденемся, спустимся с пятого этажа...

Сирена стихла. Олеся пыталась вспомнить инструкции — как вести себя в экстренных ситуациях. Об этом часто говорили по радио и телевидению: твердили, что в случаях артобстрелов нужно бежать в бомбоубежище, рассказывали про тревожный чемоданчик, в который заранее нужно собрать самое необходимое, давали и другие советы, о которых Олеся уже успела забыть. В последнее время она не смотрела телевизор: эфиры были забиты передачами, в которых истерично вещали о зверствах шахтеров-дончан, взявших в руки оружие, чтобы защитить свой Донбасс. Верить этому Олеся не хотелось, да и не могла она, ведь и сама жила на Донбассе: сначала — в Донецке, потом — здесь, в Константиновке...

Сейчас Олеся стояла посреди комнаты и корила себя за бестолковость. Нет, нужно было запомнить, что советовали по телевизору! А теперь поздно. Тревожный чемоданчик они с Артемом так и не приготовили. Надеялись, что их город придут освобождать воины из Донецка, а значит, по мирным стрелять они уж точно не будут. «Так ведь и не стреляют! Военкомат — это же военное учреждение, вот по нему и ударили!» — пришедшая на ум догадка немного успокоила Олесю.

— Вчера в магазине говорили, что дончане и русские мирных не трогают, — стала рассказывать она мужу о том, что слышала в очереди за мукой.

— А теперь что? — Артем кивнул на зарево за окном.

— Так военкомат же... Значит, только по военной инфраструктуре стреляют, — с надеждой предположила жена, понимая, на что намекает ее супруг.

— Во время Великой Отечественной войны тоже освобождали страну от фашистов! Сколько городов в руинах стояло!.. — Артем осекся, виновато посмотрел на Олесю.

На самом деле он вполне допускал, что их город тоже может быть разрушен — вчера на улицах появились украинские танки.

— А что нам делать в таком случае?! — Олесиные губы дрогнули, на глаза навернулись слезы.

Артем подошел к супруге, крепко обнял ее, провел ладонью по русым волосам.

— Все обойдется, любимая, вот увидишь. Сейчас другая война. Не будут же украинские войска прикрываться нами, мирными жителями! Так только фашисты поступали. Мы ведь один народ — русские и украинцы, — говорил Артем, а в голосе его слышалось сомнение.

— Вчера еще говорили, нацбаты прибыли. Этим море по колено, они и по мирным стрелять будут. Вспомни Мариуполь... — Олеся подняла голову, заглянула в глаза Артему, будто ища опровержения своим страшным мыслям.

Он прекрасно знал, о чем речь. Не знать об этом было невозможно: новости передавали из уст в уста. Восемь лет в маленьком городке Константиновке было более-менее спокойно, а вчера прямо на школьный двор въехали два танка. Один из них вплотную подобрался к приоткрытому окну кабинета, в котором Артем вел урок у первоклашек, и, будто в насмешку над детьми за стеклом, выпустил сизое облако выхлопных газов. Вчера Артем не стал рассказывать об этом своей Олеся — лишние переживания. И сейчас о том происшествии умолчал.

Сказал вместо этого:

— Воевать они уж точно будут за городом. Это по правилам военных действий. ВСУ не будут бомбить город. А наши и русские бьют только по военным целям. Мы, считай, в самом центре живем. Военкомат сгорел, а других военных объектов поблизости нет.

Будто в подтверждение снова раздался нарастающий звук сирены, сигнализирующей об опасности, резко умолк. На смену ему пришел вой пожарных машин. Одна за другой они прибывали к военкомату.

В окно Олеся и Артем наблюдали за происходящим в напряженном молчании.

Тем временем из-под дивана вынырнул черный кот с белым пятном — «галстуком» — на грудке и стал тереться о ноги хозяев.

Остаток ночи провели без сна.

2

Олеся и Артем познакомились в 2013 году в Донецке, куда оба приехали в поисках работы. Она — из Тарановки, что под Харьковом, он — из Константиновки. В Донецке поженились. А потом началась война. Надеясь переждать опасное время, они переехали в квартиру мужа, в Константиновку, которая находилась под контролем нацистов.

Теперь обоим было по тридцать пять лет. Жили вдвоем, детей не народили. Артем работал учителем, а Олеся места в Константиновке не находилось — пришлось стать домохозяйкой.

Наутро после тревожной ночи Артем поспешил на работу в школу.

Попозже и Олеся собралась по делам: надо было купить продукты. Она направилась в сторону правобережной Константиновки. Отчего-то считалось, что на правом берегу реки Кривой Торец снабжение лучше и продукты стоят дешевле.

Олеся шла, привычно прикрывая концом шарфа большой шрам на левой щеке. В спину ее подгоняли порывы холодного мартовского ветра. Олеся сунула руки в карманы куртки, нахохлилась, как воробей. Отсидеться дома в такую погоду было никак нельзя. О еде нужно позаботиться заранее, ведь неизвестно, что будет с поставками.

Военное положение и страх перед нуждой изменили их с Артемом. Олеся это чувствовала, хотя пока не умела однозначно сформулировать, что именно с ними произошло. Одно понятно: она не та, какой была до войны, и Артем не такой, как прежде.

Город наводнили военные. Теперь увидеть человека в камуфляже и с автоматом на плече стало обычным делом. Военные были повсюду: на улицах, на почте, в магазинах, в очередях за продуктами, у банкоматов.

А мирный народ стремительно нищал. Все больше стариков и детей нужда выкидывала на улицы просить подаяние. И сами улицы тоже, казалось, стали другими:

грязный ноздреватый снег осевшими кучами лежал вдоль дорог, давно не метенных тротуаров, проглядывал меж голых деревьев с остатками извести на стволах. Кое-где высились руины домов с пустыми глазницами окон; холодные, заброшенные, они стояли мрачным напоминанием событий четырнадцатого года, когда после переворота в Киеве в городок ворвались украинские войска...

Вот так перебежками от магазина к магазину и шла Олеся, искала, где еще можно купить муку, крупы, консервы... А еще найти бы колбасу... Правда, если и завезли ее любимую «Зернистую» копченую, например, в магазин «Башинский», денег на нее не хватит, но вот на вареную «Бутербродную» — вполне.

Жизнь в городе стала другой в последнее время: закрывались службы, предприятия, магазины, детские сады. Иметь работу стало почти что привилегией. Артему повезло больше других: его школа работала, а значит, ему было к кому спешить по утрам, а еще на его зарплату можно было свести концы с концами.

А вот самой Олесе с работой не везло. После переезда из Донецка в Константиновку, или Констаншку, как называли городок местные, она так и не смогла трудоустроиться. То сидела за кассой в магазине, то работала на почте — разносила пенсии, но подолгу нигде не задерживалась. Да и тяжело ей было с больным сердцем выдерживать рабочий день.

Олеся шла по улицам, вспоминая любимый Донецк. Как соскучилась она по большому городу! Цветущему городу миллиона роз! Промозглым мартовским днем на улицах Константиновки Олеся мечтала о том, чтобы вернуться туда. Она любила цветы и надеялась, что когда-нибудь у нее будет настоящий сад, где она соберет все самые любимые сорта роз. Они убежали из прекрасного города Миллиона роз, спасаясь от войны. И теперь она настигла их здесь, в Константиновке. Вся надежда была на то, что русские и дончане смогут быстро взять город, а нацики будут вынуждены отступить. Но если все пойдет по другому сценарию?.. Об этом Олеся боялась и думать.

Совсем недавно, пока не вышел указ на запрет выезда для мужчин, Артем предлагал вновь бежать. «Не хочешь в Ивано-Франковск? Тогда надо сваливать за кордон, — убеждал он жену. — Здесь ждать нечего! У нас — война, во Львове — бендерье. Потом, когда все успокоится, вернемся». — «Куда?» — спросила Олеся. «В Донецк, конечно, или в Констаншку — какая разница? Главное, переждать этот ужас», — ответил муж. А нынче поздно: указ вышел, значит, Артема из страны не выпустят.

Олеся шла с тележкой по супермаркету, погруженная в свои мысли.

— Куда прешь?! Зенки раскрой! — на нее в упор смотрела старуха лет семидесяти в стареньком пальто и пуховом платке.

Ее черные глаза сердито буравили обидчицу. Оказывается, задумавшись, Олеся не заметила старушку и задела ее тележку. Буркнув «извините!», Олеся поспешила к кассе — подальше от этого озлобленного взгляда.

С продуктами ситуация в супермаркетах с каждым днем усложнялась: все сметали, лишь моющие средства по-прежнему стояли на полках в избытке. Да в винном отделе красовались пузатые бутылки с импортными наклейками. Смотреть можно, а купить нельзя: с начала боевых действий власти запретили продажу алкоголя.

Стоя в таких очередях, чего только не услышишь, каких небылиц только не расскажут! Русские — кровожадные гоблины, насилующие женщин, убивающие детей... Русские уводят людей в рабство, пытаются, расстреливают... Ходили слухи, что теперь в ночное время на улице лучше не выходить, и дело даже не в комендантском часе, к которому давно привыкли. Говорили, в это время в городе хозяйничают патрули из теробороны — бывшие бандиты и уголовники, которых освободили под контракт на защиту города. В очередях вполголоса делились леденящими душу историями о них: ввали или нет — бог весть, но говорили о насильничестве и мародерстве. Са-

мые «свидомые» в очередях — их были единицы — в красках воспроизводили новости, почерпнутые из телевизора. Остальные молча стояли в очереди, в споры не вступали, задача была одна — выжить.

Идя по улицам, Олеся сторонилась прохожих: то жалась ближе к стенам домов, то почти выходила на проезжую часть — лишь бы не столкнуться нос к носу, не заговорить с кем-то. Общения ей не хотелось. А дома читала новости в городских интернет-сообществах, чтобы быть в курсе, где можно получить гуманитарную помощь, купить продукты.

Теперь Олеся проходила мимо хлебной лавки. Там было оживленно, собралась толпа. Оказалось, хлеб уже привезли. Но нет, хлеб ей не нужен: сама пекла его дома, а магазинный к тому же сильно поднялся в цене. Так что стоять со всеми она не стала.

Миновав улицу, Олеся перешла на другую сторону тротуара. В глаза бросались нежилые окна квартир. Ясно, люди бежали кто куда — во Львов или даже в европейские страны.

Ее мысли занимало ночное происшествие. Конечно, Олеся понимала, что эти обстрелы будут продолжаться, но слова ее мужа о том, что по мирным стрелять не будут, немного успокаивали. В самом деле, не будут же они бомбить мирных граждан!

Из потока раздумий Олесю вырвал крик. Со двора слышалась перепалка, нарастающий многоголосый женский визг и мужская брань. Олеся вспомнила, что там находится небольшой магазинчик — частная лавочка, которую открыли в здании бывшего детского сада. Она свернула во двор и сразу увидела хвост очереди. Правда, эта очередь была необычная. Своими очертаниями она напоминала бутылку: чем ближе к двери магазинчика — тем шире. Оказалось, люди обступили вход широкой массой, а остальные более дисциплинированные пристроились за ними хвостом. Ругань летела от самой двери магазина. Толкотня, давка, споры...

Оценивая обстановку, Олеся огляделась. Тут же, у трансформаторной будки, увидела паренька, тот безучастно наблюдал за всей этой толчеей; он беззаботно лузгал семечки, сплевывая шелуху себе под ноги. Такие ребята всегда находятся, когда буйствует толпа, — наблюдают со стороны, не вступая в общие дразги, а потом при удобном случае вклинятся вперед всех и урвут желаемое в числе первых.

— Скажите, а что дают? — спросила Олеся.

— Что? — переспросил парень, вынимая наушник из уха.

Она снова задала вопрос.

— А! — теперь понял парень. — Так масло подсолнечное, соль, спички...

Солью и спичками они с Артемом запаслись, думала Олеся, а вот масло... Насколько это было возможно, она приблизилась к толпе у двери, встала на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть, что происходит за чужими спинами.

Из людской массы прямо на Олесю вытолкнули какую-то дамочку. Раскрасневшаяся, разгоряченная тетка наскочила на Олесю и тут же по инерции сбила ее с ног. Та, споткнувшись о камень, чуть не упала, но парень подхватил ее. Олеся поблагодарила его и направилась со двора. Здесь ловить нечего — слишком много желающих.

Дальше прошла мимо опустевшего здания супермаркета «АТБ»: сеть закрылась в городе самой первой. Этим утром Олеся выяснила, что и другая крупная сеть супермаркетов — «ТМ Бащинский», где продавали «сосиски, сардельки, варені ковбаси, делікатеси, та інше м'ясні сніки», как гласила реклама, — тоже закрыта на улицах Перемоги, Громова и Ломоносова. Оставались «ЭКО маркет» и «Семья». Туда Олеся и устремилась.

Там тоже не повезло: пустые прилавки — брать нечего. Посмотрела на часы: уже три. После введения в феврале комендантского часа магазины в городе работали

лишь до трех-четырех часов дня. Пришлось Олеся идти в сторону дома: муж вот-вот вернется с работы.

3

Когда жена вошла в квартиру, Артем был дома. Он сидел за столом перед компьютером.

— Ты... вот что... — начал он сразу. — Тебе надо уезжать из города...

Олеся не ответила, будто не услышала его. Сказала лишь:

— Сегодня ничего не успела купить. «Бащинский» закрылся...

— Тебе, говорю, надо сваливать отсюда на запад, во Львов, — строго, с нажимом произнес Артем и уставился на жену в упор.

Олеся опустила взгляд.

— Мы уже обсуждали это. Я не поеду без тебя, и потом, до Львова ракеты долететь тоже могут. — Жена вся сжалась в предчувствии неприятного разговора.

— Ты знаешь, меня не выпустят. Призывной возраст, — глухо сказал Артем, уставившись в монитор.

Олеся неуверенно подошла к мужу, обняла его за плечи, заглянула в лицо. Только сейчас она заметила, что левый глаз у него заплыл.

— Что случилось? Дай посмотрю, — встревожилась она, моментально позабыв обо всем. Олеся прикоснулась пальцами к его щеке, но супруг увернулся.

— Сейчас аптечку достану, — жена кинулась к тумбе.

— Не надо! — остановил ее Артем. — В школе осмотрела наша медсестра. Сказала, жить буду. А это, — он указал на заплывший глаз, — урок «рідної мови», будь она!.. — выругался. — Мне надо учиться правильно выговаривать «паляниця»! Я, видите ли, с акцентом произношу... как москаль!

Артем был в большом напряжении и с трудом сдерживал злость. Наконец, не стерпев, он шарахнул ладонью по столу так, что Олеся вздрогнула.

— А что я мог сделать?! У него автомат! — наконец стал пояснять Артем.

Он и сам прекрасно знал, что «мог» за последние восемь лет. Мог остаться в Донечке и учить детей под огнем украинских «градов»... Мог вступить в ополчение и встать на защиту Донбасса... Мог не врать детям на уроках о «народном герое Степане Бандере» уже здесь, в Константиновке. В конце концов, он мог врезать по пьяной лоснящейся роже этого выродка-нациста с волчьим крюком — эсэсовским шевроном на рукаве. Но стоит единожды «не смочь» — пойти вразрез с совестью или предать убеждения — и становится проще не замечать мерзости. Как говорится, моя хата с краю... Когда-то Артем выбрал молчание — стал ждать, когда все решится без него и за него. Как же, ведь он должен заботиться о больной супруге! И ему даже становилось легче от этой мысли, оправдывающей бездействие. Еще бы, ведь он не один такой — безмолвный и нашедший себе оправдание.

В глаз Артем получил прикладом. Это случилось утром у школы, на виду у всех. И он опять смолчал, но та безропотная собственная покорность, с которой он принял оскорбление, вдруг все перевернула в его душе. Артем чувствовал себя так, словно его раздели догола, вывернули наизнанку исподнее, выставили на всеобщее посмешище, и теперь он смог увидеть свое истинное позорное отражение. Он злился не на нациста. Причина в другом: он был противен самому себе.

— Поясни! Что случилось? Кто тебе такое сказал? — выговорила Олеся с волнением.

Таким мужа она еще не видела. Тот был как будто наэлектризован, готовый взорваться и, словно вулкан, сжечь, испепелить все вокруг.

— Я не говорил тебе, — признался он. — Не хотел волновать. К нам во двор школы два танка поставили. Один — прямо под окна кабинета. Нацик подходил к окну, он услышал мой акцент... Окно было открыто. Я как раз вел урок и попросил его отогнать машину... А сегодня — еще вот это... — показал на лицо. — Прости! Тебе и правда надо уехать. Дальше будет только хуже. Я приеду к тебе, как только устроишься. Уезжай отсюда, прошу: в Польшу, в Италию, во Францию... Хочешь во Францию?

Олеся молчала. По ее щекам текли слезы. Самое худшее, что только она могла себе представить, теперь проявлялось контурами теней в ее сознании, прорисовывалось, оживало сумрачной палитрой красок, словно под кистью художника рождались неприятные жутковатые подробности.

Олеся понимала, что муж прав и надо покинуть страну. Перед этой безысходностью ей хотелось кричать, но не доставало сил. Она как будто оцепенела в немом крике, который разрывал ее изнутри.

— Что с тобой?! Тебе плохо? Ты вся бледная, — голос Артема вывел Олеся из странного состояния.

Муж обнял ее за плечи, с тревогой всматриваясь в лицо.

— Все нормально, — заплаканная Олеся натянуто улыбнулась. — Я не знаю, куда лучше ехать. И потом, потребуются деньги... Говорят, хотя бы триста евро... Где взять столько?..

— Найдем, — сказал муж, уверенно добавив: — Это моя забота.

Раньше, когда они с женой обсуждали эмиграцию, Артем наверняка знал, что Олеся откажется ехать без него. Он не напирал, не настаивал, как делал это в других важных для семьи вопросах. В такие моменты ее отказ был для Артема что-то вроде индугенции его малодушию и неуверенности. Но время шло. Все труднее было оставаться в стороне от войны, не замечая очевидного: это касается каждого. Артем уже понимал, что уличные бои будут, а значит, жизнь любого горожанина может оборваться в момент. Все ближе линия фронта, в один из дней ему придется решить, на чьей он стороне. Конечно, можно пересидеть в подвалах, переждать обстрелы, перетерпеть страх. Но останутся вопросы. За что страдать? На чей берег вынесет? Смолкнет ли для его ушей русская речь? Или на смену придет не менее родная украинская — та, которую впитал на родной земле? Как так случилось, по чьему дьявольскому умыслу некогда единый народ, победивший фашизм, теперь разделен?

Раньше эти вопросы не вставали настолько остро для Артема. Сегодняшний урок «рідної мови» расставил для него все на свои места. Этим утром Артем решил: он отправит жену за рубеж, а сам при удобном случае перекинется к ополченцам. Он вырос в этих местах и сможет незамеченным пройти кордоны нацистов. Но сейчас жене об этом знать не нужно.

4

Несколько недель они готовились к отъезду Олеси: добывали деньги, запас медикаментов, прорабатывали маршрут. С валютой пришлось сложнее всего. Пришлось просить в долг у знакомых, продать обручальные кольца, сколько-то при случае передали родственники Артема.

Сначала Олеся хотела поехать в Польшу: и ближе, и язык схож с украинским. Но тщательно обдумав, супруги решили остановиться на Италии: вычитали в соцсетях, что там проще найти работу.

В этой суете перед отъездом Олесе было легче переживать военные события. Конец страха был виден — пусть он далеко, в счастливой Италии. Там не будет обстре-

лов, сирен. И поедет она не с тревожным чемоданчиком, а с обычной сумкой для путешествий, как случилось в мирное время.

Обстановка в Константиновке изменилась. Теперь на улицах можно было встретить людей в камуфляже, которые говорили на английском, польском языках — в город прибыли наемники. Украинские части и залетные «солдаты удачи» занимали больницы, школы, даже роддом — самые безопасные места, которые не могли стать целью для объединенных сил противника. Во дворах жилых домов, порой прямо на детских площадках, они устанавливали тяжелую технику: танки, РСЗО¹, артиллерию.

В начале апреля Олеся была готова покинуть город. Оставалось лишь выбрать удобный момент.

5

В один из дней жена пришла домой с покупками.

— Вот! Яйца добыла! — довольная Олеся вынула из пакета пластиковую упаковку. — Давно на них не попадала. На обед глазунья будет. Еще счет пополнила на мобильнике — нашла банкомат работающий. Представляешь, совсем озверели: двадцать гривен за комиссию взяли!

Артем очень изменился за последние дни: осунулся, замкнулся в себе. Сейчас он сидел на кухне за столом, перед ним стояла кружка с чаем. Он даже не взглянул на Олесю, когда она появилась в дверном проеме. А та щебетала, не замечая угнетенного состояния мужа:

— Это сегодня в соцсетях объявление дали, мол, переселенцам положена гуманитарная помощь. Сказали, всем прийти, у кого статус есть. Вот я и поучаствовала!.. Жаль, что ты не смог со мной очередь отстоять — был бы второй десятком...

— Да, переселенцы... — глухо ответил Артем. — Ты знаешь, я стал сомневаться...

Олеся вопросительно уставилась на него. Муж продолжал:

— Я думаю, правильно ли мы решили с отъездом... Кому нужны мы здесь, в Константиновке? Да никому. А там, за границей? По сути дела, тоже никому. Получается, мы бежим от самих себя... от своих страхов... Понимаешь?

Олеся, уже свыкшаяся с мыслью об отъезде и даже радовавшаяся такой перспективе, растерянно кивнула. Италия стала для нее надеждой, которой она жила уже не одну неделю, и все отходило для нее теперь на второй план — и сомневающийся супруг, и дом, и город..

— Понимаю! — сказала она. — Ты расстроился, что я собралась ехать одна, да? Но ведь ты же сам настаивал... Помнишь? Я ведь не хотела... Теперь я думаю, это было правильное решение. Ты мужчина, у тебя даже работа... А я? Что мне здесь ловить? И я не виновата, что мужчин не выпускают...

— Дура! — с горечью выкрикнул Артем, вставая из-за стола.

В прихожей он схватил с вешалки куртку и выскочил из квартиры, на ходу пытаясь попасть в рукава.

Услышав хлопок входной двери, Олеся устало опустила на стул, закрыла лицо руками и заплакала.

6

Через час жена услышала звук открывающейся двери. Встречать не вышла: в это время собирала сумки.

Муж заглянул в комнату:

¹ РСЗО — реактивная система залпового огня.

— Может, останешься еще хоть на денек? — попросил он, садясь возле нее на диван.

Олеся отрешенно задержала взгляд на своем отражении в зеркале на стене. Потом вдруг спохватилась, обернулась к мужу:

— Нет, — отвечала убежденно. — Понимаешь, я должна ехать, пока есть возможность, — и тут же переменяла тему: — Знаешь, я примерилась к объему вещей... Решила зимнюю одежду пока не брать — не влезет. А там видно будет.

— Пожалуйста, задержись на денек, — Артем говорил так мягко, как мог. — Электрички ежедневно ходят. Я слышал, завтра еще целых два дополнительных состава пускают. Может, завтра уедешь, а?

Ему не хотелось верить, что совсем скоро она будет очень далеко. Когда потом придется свидеться — этого никто не знает. И придется ли?..

Олеся покачала головой:

— Нет, Артем. Поеду сегодня. Извини. У меня сердце не на месте. Все кажется, случится что-то. Надо ехать сегодня... сейчас.

Олеся постояла без дела, о чем-то размышляя, затем добавила, тщательно подбирая каждое слово, будто неловко об этом говорить:

— А ты... может, сегодня в подвале заночуешь?

Артем безразлично пожал плечами, исподлобья глянул на жену.

— Зачем? Сыро там и холодно. Простудиться не хочу. В школе больничный мне точно не оплатят. И Мурчик подвалов боится. Сбежит. Где потом искать его?

Олеся присела на диван рядом с мужем, обняла его, положила голову на плечо.

— Ты прости меня. Я обязательно вытащу тебя. А Мурчик... Мурчик пусть в квартире остается, у них, говорят, девять жизней.

Артем не ответил.

Обед прошел в полной тишине. Собранные сумки ждали в прихожей.

После обеда Олеся пошла на вокзал, чтобы сесть на электричку до Краматорска.

7

Вокзал Краматорска — гудящий растревоженный улей. Олеся никогда не видела столько людей в одном месте. Небольшое здание вокзала было переполнено: скопления людей, горы чемоданов и сумок — еле проберешься мимо них.

Спертый воздух, запах пота, влажность от людского дыхания... Находиться здесь было тяжело, оттого люди то и дело стремились к выходу на привокзальную площадь. Но и там столпотворение — помещение вокзала не вмещало и десятой доли беженцев. На площади потоки людей с улиц, прилегающих к вокзалу, сходились воедино. Плач, смех, брань, окрики — все смешалось в этом море волнения. Стояли семьями и поодиночке, кто-то встречал знакомых или, протискиваясь в толпе, громко звал близких, что должны были приехать к обозначенному времени. Тут и там сновали жуликоватого вида юркие парни с бегающими глазками. Старики, не в силах стоять в этой живой клокочущей массе, сидели прямо на земле, подложив под себя нехитрый скарб: благо снег уже стаял, и земля успела вобрать тепло первых апрельских деньков. Те, кто недавно прибыл, проходили чуть в сторонку, располагались возле своих сумок и тут же перекусывали на ногах.

И в этой толчее различимы обрывки фраз, разговоры: где и что бомбят, когда подадут дополнительные составы и, вообще, поедут ли они? Казалось, сам воздух пропитан тревожным ожиданием. Прибывающие электрички прибавляли в эту толчею новых переселенцев, и опять море чемоданов, сумок, рюкзаков, окрики, детский плач... На место одних семей приходили другие, раскладывали тряпицы с едой поверх рюкзаков, сумок, чемоданов — и вновь по кругу.

Олеся жалась ближе к перрону: понимала, что, когда подадут состав, идущий до Львова, можно не успеть попасть в вагон. А оставаться в незнакомом городе на ночьку страшно.

Мимо сновали оголтелые люди: растерянные, встревоженные, испуганные, злые.

Олесе повезло: ее электричка из Константиновки прибыла в Краматорск точно по расписанию. А уже после четырех часов дня, как обещали, должны были подать эвакуационный поезд на Львов из двадцати одного вагона для беженцев.

С сумками Олеся продвигалась по направлению к железнодорожным путям сквозь плотную толчею.

— Ох! — раздалось почти над ухом: поток прохожих вытолкнул прямо на Олеся женщину лет шестидесяти.

Она покачнулась и, чтобы удержаться на ногах, оперлась на Олесино плечо.

— Выбач, девонька, — устало выдохнула женщина. — Я тильки постю трóшки и пиду звйтси.

Мучимая одышкой, она толком даже не взглянула на Олеся. Переломив поясницу, согнулась пополам, свободной рукой ослабляя узел платка на шее. Была она в старомодном потасканном жакете с большим воротником, темной до пят юбке.

— Может, вам помочь? — неожиданно для самой себя предложила Олеся.

Она не любила заводить знакомства, потому что долго присматривалась, привыкала к людям. И в компаниях всегда держалась особняком, а что уж говорить про мимолетные встречи на улицах? И все же сама ситуация располагала к тому, чтобы заговорить.

Но незнакомка отмахнулась, подняв глаза на Олеся:

— Та ни.

Лицо у нее было светлое, гладкое, даже как будто ухоженное и интеллигентное, глаза ясные, пытливые, внимательные, будто зрила она в самую душу. И на удивление несуразным показалось Олесе ее бабье одеяние: этот жакет, какие носят деревенские клуши, бесформенная юбка, как на богомолках, да еще и платок с бахромой...

— У меня и лекарства с собой есть, — Олеся полезла в карман сумки. — Надо?

— А вид голоду таблетка е? — женщина виновато улыбнулась. — Мы тут з плэмнником вже дру́гу добу́ стоимó. Люды кажуть: тут десь польóва кухня працюэ ось я и пишла шукаты йи. Кухня то варто, та тильки не працюэ вона. А мене вже ноги не тримають.

— Ой, что ж вы! — если у Олеси и возникли какие-то подозрения по поводу женщины и ее одежды, то при виде страдающего от голода человека они вмиг улетучились. — У меня и еда есть. Что могла — все в дорогу взяла. — Олеся пошарила рукой в сумке и достала банку консервов.

— Так не зру́чно, дывчина, — ответила женщина, но цепкий взгляд, устремленный на шпроты, говорил об обратном.

Олеся заметила это, сказала:

— Давайте в сторонку отойдем.

Женщина, опираясь на Олеся, последовала за ней в закуток у лестницы.

Олеся поставила сумки на перрон, потянула кольцо на банке и открыла ее. Затем, поставив банку на широкие перила, достала из сумки несколько кусков хлеба.

— Ешьте! — приказала Олеся женщине.

— Ти ж моэ сердечко! — на глазах у той навернулись слезы.

Она взяла хлеб и замешкалась: вилки не было. Смущенно посмотрев на Олеся, женщина тонкими пальцами выудила из масла рыбку и аккуратно положила на хлеб.

Олеся с жалостью смотрела на нее, пока та ела, затем подsunула ей еще кусок. Отчего-то Олеся так прониклась этой страдальцей и самой ситуацией, когда смогла на-

кормить голодного, что разоткровенничалась с незнакомкой. Выложила, как очутилась здесь, на вокзале, куда собралась ехать. Когда она упомянула Италию, женщина перестала жевать и, подняв взгляд на Олеся, окинула ее оценивающим взглядом.

— Значыть, ти ййдэш сама? — спросила она.

Олеся кивнула и чуть напряглась от того взгляда, как будто заподозрила, что сказала лишнего.

— Ось цей збиг!² Пойыдыш из намы в Италию. У Львови маю де зупынытыся. Стий тут, я зараз повернуся, ось тилькы племиннику виднесу пойысти. — Она снова виновато улыбнулась, кивнув на банку со шпротами. — Ой, вѣбач, — спохватилась, — я навіть не представилася! Клич мене Федоровна! — женщина широко улыбнулась, сверкнув золотыми коронками, и звонко рассмеялась. — Ой! Зачекай, буди ласка.

Женщина вдруг резво рванула в самую толпу, оставив Олеся со всеми сумками.

Та стояла минут пять одна, озираясь по сторонам. Что-то настораживало Олеся, но сейчас было не время для размышлений. Действительно, что плохого может сделать ей эта милая женщина?

Федоровна вернулась, а рядом семенил худой, высокий парень лет двадцати пяти. Одет просто: джинсы, серенькая куртка с затертой эмблемой «Adidas». Парень был угрюм, держался чуть поодаль от Федоровны, все крутил головой по сторонам, часто моргая маленькими, широко посаженным глазами. Федоровна сказала, что это ее племянник Мыкола. Олеся про себя отметила, что парень явно призывного возраста. «Интересно, как собирается выехать из страны?» — подумала она.

Все трое так и стояли возле своих сумок в стороне от больших масс людей. Изголодавшийся парень ел шпроты с хлебом, а женщины разговаривали. Олеся узнала, что Федоровна — баптистка. Теперь ей стало понятно несуразное для городской жизни одеяние женщины. В других обстоятельствах Олеся, может, и бежала бы от сектантки подальше, потому что считала себя атеисткой. Но теперь, в военное время, она была рада и тому, что у нее появилась такая участливая попутчица.

К тому времени, когда объявили посадку на двести шестьдесят пятый поезд, следующий до Львова, Олеся и Федоровна познакомились поближе. На правах старшей Федоровна принялась опекать Олеся: то шарф поправит, то курточку одернет — не холодно ли? не дует ли в поясницу? Теперь Федоровна иначе как «моз сердечко» Олеся не называла. А та была растрогана таким вниманием: после смерти мамы к Олеся никто не относился с таким теплым участием.

Федоровна рассказала, что мужчинам-баптистам любого возраста разрешено выезжать, поэтому Мыкола тоже едет в Италию. Пока парень ел, тетушка заливалась о политике, о войне и беженцах, о двоюродной сестре, счастливо живущей в Италии. А вот о себе не откровенничала. Федоровна говорила на украинском языке, Олеся — на русском, и обе прекрасно понимали друг друга.

Из репродукторов прозвучало объявление о прибытии поезда. Лупатая голова локомотива уже была видна с перрона. И вот синие вагоны с желтой полосой по бортам медленно катят к месту посадки. Под ними протяжно заскрипели тормозные диски, останавливая вращение колесной пары, наконец, качнувшись, поезд замер.

И сразу забурился толпа на перроне, зашумела, стала вплотную подступать к вагонам, скапливаясь у входов внутрь.

— Мыкола, не видходь, будь поруч! — строго скомандовала Федоровна.

Племянник жался поближе к тетке, как цыпленок к наседке. И Олеся, сама того не осознавая, старалась держаться рядом с Федоровной.

Вот через толпу протиснулся какой-то детина с большим рюкзаком на спине. Он ловко раздвигал локтями оголтелый люд. Вслед ему неслись ругательства, тычки, кто-

² Вот это совпадение!

то даже успел лягнуть нахала. А тот, не обращая внимания, прорвался к двери вагона как раз в тот момент, когда у входа появился проводник.

Тот, тряся бульдожьими щеками, кричал, чтобы все успокоились, соблюдали очередность и готовили документы. Но детина оттеснил его и заскочил в вагон. Народ гомонил, напирал, сильные и верткие оттесняли слабых. Так Олеся, Федоровна, а с ними и Мыкола оказались в конце очереди.

— Настя! — за спиной проводника показалась широкая морда детины.

И вдруг какая-то девица вынырнула сбоку, схватилась за протянутую ей руку, и парень мигом втащил ее в вагон.

Проводник что-то кричал, но ему было не до тех нахалов — толпа начала напирать.

У Олеси в давке закружилась голова, она потеряла новых знакомых из виду, но из очереди не вышла — потом не пустят. Минут через десять Олеся оказалась лицом к лицу с проводником. Протянула ему паспорт, билет. И вот уже поднявшись в плацкартный вагон, обернулась и заметила в толпе Федоровну с племянником. Олеся окликнула их и махнула рукой. Надеясь, что им удастся пробиться в вагон, пошла искать для всех места.

Удалось найти свободную полку. Олеся заняла ее и широко поставила сумки, чтобы было видно: занято. Но в отсек то и дело заглядывали люди, кто-то пытался подвинуть сумки и устроиться рядом с Олесей. Та препиралась, выпроваживала нежеланных соседей. Одна толстая баба оказалась наглее: без разговоров она скинула сумку Олеси и поставила свои вещи на то место. И тут быть бы скандалу, но в проходе показались Федоровна с Мыколой.

— Нам сюды! — скомандовала она племяннику и скинула баул незнакомой бабы.

Затем подхватила его и шустро вынесла подальше.

Громко ругаясь, баба побежала спасать свой скарб — рядом с Олесей освободилось место. Федоровна сначала усадила племянника, рядом устроилась сама — все, полка занята.

— Ловко вы! — восхитилась Олеся, радуясь, что нашлись знакомые.

— Що, мы на рынке не торгувалы, моэ сердечко? — Федоровна подмигнула Олесе. — Хух! — тяжело выдохнула она и стянула с головы платок, обнажив черную с проседью копну волос.

В вагоне было шумно: шарканье, гомон, щелчки стопорных замков, пересуды. Наконец движение упорядочилось, пассажиры худо-бедно устроились. Казалось, состав вот-вот тронется.

Но нет. Вдруг к поезду нагрянула полиция, в каждом вагоне объявили, что в связи с опасностью артралетов железнодорожная ветка закрыта и поезд никуда не поедет. Людям пришлось выйти, но никто не расходился — так и толпились каждый у своего вагона. И вдруг через сорок минут снова объявление о посадке... Пассажиры устремились в вагон, теперь уже вели себя спокойнее, потому что каждый держал в голове то место, которое занял прежде.

Еще через полчаса состав с беженцами тронулся.

8

Город Львов встретил прибывших теплым дыханием весны, яркими огнями привокзальной площади, неоновыми вывесками магазинов. Здесь был мир — без канонады, нескончаемой тревоги. Военных на улицах почти не видно.

Поезд прибыл с большим опозданием, но Федоровну и ее племянника уже поджидала машина. Без лишних разговоров молчаливый водитель — это был паренек

в джинсовой куртке — загрузил вещи в багажник «мерседеса». Прежде чем уложить туда же и Олесины сумки, водитель вопросительно взглянул на Федоровну. Та кивнула в ответ. Он еще раз с каким-то особым вниманием оглядел Олесю, задержал взгляд на ее лице и лишь затем поставил ее сумки в багажник.

Ехали молча. Мыкола сидел рядом с водителем, а Федоровна и Олеся — на задних сиденьях престижного авто.

Усталая и разбитая Олеся удивлялась сама себе. И как она смогла вынести все то, что случилось на вокзале Краматорска? И это с ее-то больным сердцем! Олесю стало укачивать, и Федоровна сунула ей какую таблетку. Та послушно положила лекарство в рот.

Затем, прислонившись головой к дорогой кожаной обивке, Олеся, уже сонная, смотрела в окно. Мимо проплывали величественные и таинственные силуэты стрельчатых соборов. Умиротворенная красота! Будто и не было бомбежек, обстрелов, давки, душной толпы, трясущегося поезда. Может, это был лишь кошмарный сон?

Совсем недавно Олеся простилась с мужем, со своим домом. Как там Артем? Олеся вспомнила, что в суете так и не набрала его номер. Она достала мобильник. На экране высветилось аж десять пропущенных звонков. Как же не услышала?! Ах да, ведь Федоровна в поезде попросила выключить звук, чтобы хоть немного подремать.

Олеся хотела набрать номер мужа, но на плечо ей опустилась рука попутчицы.

— Скоро приедем, моз сердечко, — ласково проворковала она. — Подзвониш пб́тим, ще не дб́вго залышы́лося.

И Олеся мысленно согласилась: действительно, разговаривать в машине неудобно.

Федоровна оказалась права: через пару минут машина остановилась. В глубине сада, за оградой виднелся дом. Олесе он показался сказочным замком. Чугунные ворота с изумительной тонкой ковкой медленно отворились, впуская машину на территорию.

«Мерседес» остановился перед главным входом с мраморной лестницей, колоннами и львами по краям. Паренек-водитель занес вещи в вестибюль.

Вся обстановка говорила о несметных богатствах хозяев дома. Олеся только успевала крутить головой: раньше ей не приходилось бывать в таких роскошных особняках. На стенах — картины, гобелены, зеркала в старинных оправках, а еще хрустальная люстра, лестница, похожая на те, что бывают в театрах... Переговариваться было неловко, потому Олесе ничего не оставалось, как следовать за Федоровной и Мыколой.

Вот они оказались в просторной комнате с колоннами и пухлыми ангелочками под потолком. Посреди комнаты за внушительных размеров столом сидели люди и ели. Они даже не посмотрели в сторону прибывших.

— Це наша паства, — шепнула Федоровна Олесе, добавила: — Нам пощасты́ло: мы останни, на кого чекалы перед видправкою. Сидай вечеряты. Завтра з самого ранку, йидемо на кордон и дали до Италийи.

Вся обстановка показалась Олесе ирреальной. Каким-то ненастоящим выглядел и этот богатый дворец, и хмурые, бедно одетые, изможденные люди. Ну что у них может быть общего? Нищета и невообразимая роскошь.

Олеся присела за край стола, застеленного белой кружевной скатертью. Перед ней оказалась одноразовая тарелка с отварным картофелем и сельдью, стаканчик с компотом. Олеся подцепила вилкой кусок картошки и сунула в рот, отхлебнула компоту. Есть особенно не хотелось, а вот усталость придавила так, что Олеся была готова лечь на руки прямо на этот стол.

Она погрузилась в странное состояние: будто тело ее, погруженное во взвесь, медленно проваливается все глубже и глубже — туда, где уже не властен солнечный свет, а звуки размыты в многоголосое эхо.

— Устала она, дорога была — закачаешься! — почему-то на русском говорила Федоровна столпившейся вокруг них пастве.

— Надо уложить ее спать. Завтра тоже трудный день предстоит, — услышался мужской голос.

Сонную Олесю подхватили под руки и повели на ночлег...

9

Она очнулась утром: грубо трясли за плечо. С трудом разомкнув тяжелые веки, Олеся сразу не поняла, где находится. Осмотрелась: она в одежде лежала на кровати в маленькой комнате, освещенной приглушенным светом. А разбудил ее тот самый водитель, который привез с вокзала Львова в особняк.

— Пора вставать, — сказал он, — автобус уже ждет. Выезжаем через двадцать минут.

— Почему так быстро? — Олеся чувствовала, что силы в полной мере еще не вернулись к ней, а во рту пересохло.

Она приподнялась на предплечье и заметила на тумбе рядом с кроватью стаканчик с компотом, сделала пару глотков.

— Нужно успеть к границе вовремя, — ответил парень. — Для нас на границе окно отдельное. Вам бояться нечего, а вот мужчинам...

— Можно я хоть душ приму?

— Можно, — согласился водитель, — только быстро. Минут десять, не больше. Душ, туалет там, — он указал на двери, а сам направился на выход, — на пороге обернулся: — Не опаздывайте, пожалуйста.

После вчерашней роскоши залов ванная показалась Олесе весьма скромной, хотя все необходимое в ней было. Она быстро скинула одежду, зашла под душ. Пара минут под тугими струями горячей воды — и Олеся почувствовала себя гораздо лучше. Подсушив волосы феном, оделась и вышла из комнаты.

В холле ее уже ждали. Олеся узнала нескольких людей, что накануне ужинали с ней за одним столом. Словно высохший стебель подсолнуха с поникшей головой, высился среди прочих угрюмый Мыкола.

Направились на темную еще улицу. Последней во двор вышла Федоровна, следом за ней хвостиком — Мыкола. Олеся старалась держаться поближе к ним.

— Зараз поїдэмо! — вполголоса сообщила Федоровна и заботливо поправила шарф на плечах Олеси так, чтобы он прикрывал шрам на щеке, затем придирчиво осмотрела ее и удовлетворенно кивнула: — Так краще!

Пока Федоровна зевала, кутаясь в платок, Олеся огляделась и догадалась, что всех беженцев, то есть паству, размещали в комнатках в левом крыле особняка. Теперь же люди стояли на заднем дворе — рядом с флигелем и другими постройками.

Откуда-то слева вынырнул водитель. Проверив по счету, все ли на месте, он командовал идти за ним. Группа последовала на другую сторону сада. Там ждал автобус. В салоне хватило места каждому пассажиру.

— Ты садись ближе к водителю, а то тебя укачало вчера сильно, — советовала Федоровна на чистейшем русском языке. — Да смотри в окошко, это успокаивает.

Олеся опять обратила внимание на перемену в речи новой знакомой. Но думать об этом не было никаких сил: голова тяжелая. Да и что тут странного, если она владеет и украинским, и русским?..

В автобусе на каждом кресле лежали пластиковый контейнер с едой и бутылка минеральной воды.

— Сервис! — усмехнулась Федоровна.

Она еще раз широко зевнула, блеснув коронками. Завтракать не стала, а вместо этого сунула Олесе свой контейнер:

— На вот. Я все равно в такую рань не ем, а тебе нужно...

Зачем это было «нужно» Олесе, Федоровна не договорила. И сама Олеся не поняла. А попутчица положила голову к ней на плечо и уснула. Слишком быстро уснула...

Есть Олесе не хотелось, но из любопытства заглянула в контейнер: омлет, сосиска, горошина кетчупа. Закрыв крышкой еду, она распечатала бутылку воды, сделала несколько глотков.

Автобус чуть качнулся и тронулся. И вот мимо Олеси поплыли знакомые по вчерашнему дню сказочные замки. Сидя в удобном кресле, она слушала убаюкивающий шелест шин, а может, это едва уловимый звук свирели?.. Олесю опять укачивало, и слабость подступала, смешивая видения и реальность. Автобус уходил то влево, то вправо, то забирал вверх, то скатывался вниз. Опять легкое головокружение.

Светало. В автобусе царила дрема — пассажиры спали. Тишину нарушили негромкие голоса: ближе к водительскому месту, чуть в сторонке от спящих, перешептывались двое.

— ...Долго мне еще в баптистках ходить? — спросила Федоровна на русском.

— Это последняя ходка в этом месяце, — ответил уже знакомый Олесе мужской голос.

— Что, баптисты уже не нужны? Нет заказов? — женщина усмехнулась.

— Не до заказов. Сегодня наши будут бить «буками» по сепарам. Вокзал Краматорска накроют. Если бы не твой трансфер, накрыли б вчера: поезд с мирными для этого нарочно держали. Ну, сама была там, в курсе. Отложили налет на день. Можно сказать, повезло тебе. Я договорился.

— Не заливай, а! — огрызнулась Федоровна. — Договорился он! Не попалась бы мне эта сепарка, лежала б я со всеми, — кривляясь, добавила: — «Гхэроям слава!»

— Ладно, не заводись, — примирительно сказал мужской голос.

— На кого спишем Краматорск? — остыв, едко поинтересовалась Федоровна. — Да можешь не говорить. На русью, конечно! Ладно, людей разбудим...

Почти сразу автобус остановился. Олеся проснулась. Соседнее кресло пустовало, и в проходе Федоровны не видать. Голова была тяжелая после сна, в глазах плыло.

По салону автобуса прохаживались люди в военной форме. Они вглядывались в лица, придирчиво изучали протянутые им документы. «Пограничники, — догадалась Олеся. — Проверка документов». Она тоже приготовила паспорт.

Состояние вот уже второй день у нее было странное: вроде и не больна, а голова идет кругом, сонливость такая, что спать бы сутками, и не прекращающаяся сухость во рту. Олеся открутила крышечку с бутылки, сделала несколько больших глотков минералки.

Откуда ни возьмись на соседнем месте появилась Федоровна. Она начала разговаривать с пограничником, который взял в руки Олесин документ.

— Продуло, видно, девоньку в поезде да на вокзале... Да растрясло, дорога тяжелая...

Пограничник что-то спросил еще, Федоровна ответила, и он вернул Олесе паспорт, а та уже проваливалась в сон, больше похожий на забытье.

10

Олеся была в полубессознательном состоянии, когда ее подхватили под руки и вывели из автобуса. Следом вынесли и ее сумки.

Мужской голос распорядился: «Эту — во Францию, в Марсель». Олесю пересадили в машину и повезли. Иногда в пути она как будто приходила в себя, в такие минуты замечая длинное выглаженное полотно дороги, аккуратные кирпичные домики за окном машины. Говорить не могла, а слабость была такая, что Олеся снова проваливалась в сон. И во сне ей виделись те же дома с витражными окнами, кустики цветущего вереска в горшках на подоконниках, пышные глицинии и бугенвиллии, яркие пятна цветков гибискуса, олеандр... Где она все это видела? Это сон или явь?

Сознание стало возвращаться к Олесе спустя несколько часов. Открыла глаза: над ней был белый потолок. Где она? Незнакомый мужчина в белом халате и очках внимательно всматривался в бумажную ленту, испещренную нервными зигзагами. Говорить Олеся не могла, ей казалось, что у мужчины нет ног — он парит над нею.

И снова издали голос Федоровны:

— ...Откуда мне было знать, что у нее сердце больное? Молодая девка. Был заказ. Я доставила!

Отвечал доктор по-русски:

— Смазливая. На панель можно было пустить, а теперь куда? Кому она больная нужна? Как теперь избавляться? Тише. Кажется, приходит в себя. — Мужчина пристально вглядывался в Олесино лицо. — Еще один кубик введите, — скомандовал кому-то.

Приказ был исполнен. Дурман опять накрыл Олесю, она стала задыхаться. Ей казалось, ее засасывает, поглощает тяжелая, вязкая темнота. Воздуха не хватало, сердце работало на пределе. И вдруг вспышка света. Какие-то звуки стали вторгаться в сознание Олеси: незнакомое дребезжание, не похожее ни на что. Над ней свет, а значит, спасение есть.

11

Сумеречно. На улице холодно.

Тело Олеси дернулось, она вскрикнула во сне и проснулась. Олеся лежала на скамье. Влажный воздух, запах, какой бывает возле водоемов, ветер... С трудом приподнявшись, села, обхватила голову руками. В висках пульсировала кровь, в груди невыносимо ныло. Огляделась. Действительно, водоем, набережная. Поодаль вереницей шли люди с сумками, чемоданами. Незнакомые мрачные, будто окаменевшие лица...

«Где я? Кто эти люди? Куда они идут? Зачем?» — все новые вопросы волновали Олесю. В кармане ее куртки завибрировал телефон с выключенным звуком. Она не услышала вызов. С большим трудом поднялась со скамейки, поплелась к незнакомцам. А те будто не видели ослабленную, изможденную женщину — все шли куда-то размеренно и бесцельно. Они отдалялись от нее, и Олесе стало казаться, что идут не живые люди, а мертвые изваяния — холодные, пустые, лишенные человеческого нутра. Нескончаемая тревога, страх изъели их, им осталось лишь это движение и один животный инстинкт — бежать.

Олеся, как в дурмане, поплелась вслед за этими фигурами. Вдруг в кармане куртки опять завибрировал телефон. Нога Олесина запнулась о выбоину. Она упала. Телефон вывалился из куртки. Олеся подняла его: на дисплее мигало слово «любимый». Сердце ее больно кольнуло, в мозгу что-то вспыхнуло и погасло. Она всем телом привалилась на землю.

12

Следующим утром в одной из газет Марселя вышла короткая заметка: «Ce matin, sur le quai de Marseille, le corps d'une femme de trente ou trente-cinq ans, vraisemblablement

de nationalité russe, a été découvert. Le cadavre a été découvert près de l'exposition de sculptures de voyageurs du sculpteur Bruno Catalano. La femme est morte d'une overdose de drogue»³.

ДВЕ ВОЙНЫ СТЕПАНИДЫ

1

В тот памятный для Степаниды Никифоровны весенний день со стороны украинских войск неожиданно начался артобстрел. Мина упала на край огорода, аккуратно рядом с могилкой, — покосился крест. Никифоровне повезло: солнце к тому времени прошло зенит, с посадками она закончила и направлялась в дом, но не успела войти. Взрывной волной ее подбросило на крыльце, она ударилась головой о косяк и потеряла сознание. В себя пришла от того, что кто-то тряс ее за рукав.

— Жива, что ль? — услышала голос деда Тараса.

— Вроде, — неуверенно ответила.

Кряхтя, дед поднял ее под мышки, усадил и сам устроился тут же, на крыльце.

— Чего дрожишь вся? Контузило, что ль?

Никифоровна молчала.

— Щас, погоди, — старик тяжело поднялся, вошел в хату и через минуту вернулся на крыльцо. — На вот, накинь. — Помог соседке надеть ватник, заботливо застегнул на все пуговицы.

— Чего это... снова бомбили?..

— Почему снова? — не понял дед. — Не бомбили ж раньше...

— Ну, немцы... снова бомбят?..

Тарас участливо посмотрел на соседку, пригладил ей растрепанные седые волосы, вздохнул:

— Так то ж разве немцы?.. Свои это... бандеровцы. Знать, гостей надо ждать...

— Как же так? — От растерянности Никифоровна была как не в себе, синюшные губы ее дрожали. — Бандеровцев постреляли да пересажали давным-давно...

Дед Тарас хотел было что-то ответить, но, глянув на соседку, передумал, махнул рукой.

— Отлежаться тебе надо, Степанида. После такого, — он кивнул в сторону воронки, — всякое помешательство случиться может.

Это и был их последний разговор.

День клонился к концу, вечерело.

БТР со свастикой по бортам несся по улице, остановился на полном ходу возле мазаной хаты: бронемашина осела, качнулась и замерла. Пыльное облако, катившееся вослед, накрыло ее вместе с башней и крупнокалиберным пулеметом и рассеялось. Скрипнув, открылся люк, оттуда осторожно показалась голова в шлемофоне, огляделась.

Кругом были свежие воронки от мин, слева — догорающий остов дома, справа — хата с уцелевшими окнами, ухоженный огород с зеленью всходов, старуха тут же поправляла покосившийся крест.

³ «Этим утром на набережной Марсея был обнаружен труп женщины лет тридцати-тридцати пяти, предположительно русской по национальности. Труп обнаружен возле выставки скульптур вояжеров скульптора Бруно Каталано. Смерть женщины наступила от передозировки наркотических веществ».

Голова на мгновение исчезла и снова появилась, но уже без шлемофона — с коротко остриженными ярко-рыжими волосами.

— Чего там, Юр'ок?! — раздалось из утробы БТР.

— Да почекáй ты! — ответил рыжеволосый.

— Там могут русские быть или чеченцы, — вновь прозвучало из машины.

— Та ни, наша артиллерия добре попрацювала, так и не было здесь русьни. Серая зона. Здесь тільки старуху бачу, да дид вон по воду собрался. Надо десь зупынытысь, повечеряты. Ты тільки не глуши двигло, покí наши десантники не повернуться!

Наконец на броню вылез солдат в камуфляже с желтой повязкой повыше правого локтя, он поправил на плече лямку с автоматом.

По обочине шел дед Тарас с пустым ведром.

Рыжий вальяжно развалился на броне, положив свой АК рядом, полез в карман за сигаретой, закурил. Дождавшись, когда прохожий поравняется с ним, окликнул:

— Куды направился, диду?

— За водой, вон колодец. — Старик махнул рукой.

— Чому на ридной мови не розмовляэш? — В голосе солдата появилась угроза.

— Так это и есть моя родная речь, — ответил дед и пошел дальше.

— Сепар, значить! — зло прошипел рыжий и цыкнул слюной. — Русня у сели йэ?

— Сейчас не поймешь, кто где, — оглянувшись, уклончиво ответил Тарас.

— А ну стий! — В словах рыжего были ненависть и решимость. — З нашой крыныци сепарам пыты нэ можна! — он передернул затвор.

Дед остановился.

— Какой же я сепар? — примирительно начал он. — Всю жизнь прожил здесь. Сколько помню себя, всегда по-русски говорил. — Он кивнул в сторону разбитого дома. — Вон чего творится! Пока тихо вокруг, мне надо воды набрать. — Дед пошел дальше — до колодца было рукой подать.

— Ну як знайэш! — процедил сквозь зубы рыжий. Ухватив рожок автомата, не целясь, он привычным движением нажал на спусковой крючок.

Никифоровна в это время все возилась с могилкой у себя во дворе. Услышав выстрел, она, вздрогнув, обернулась. Как увидела Тараса, вскрикнула: тот, вскинув руки к небу, упал в придорожную пыль; рядом лежало ведро.

Рыжий как ни в чем не бывало спрыгнул на землю и направился к старухе, ставшей свидетельницей расстрела. А из башни высунулась голова и крикнула:

— Эй, а машину куда ставить?

Не оборачиваясь, тот безразлично махнул рукой:

— Заезжай на огород. Все одно не встыгне выросты!..

Пока солдат хозяйским шагом, вразвалку, шел мимо вспушенных четырех грядок, то и дело приминая подошвами берцев молодые всходы, он изучал взглядом старуху. Та, как нарочно, делала вид, будто не замечает его, поворачивалась к нему спиной. Но рыжий знал, что это лишь видимость: слышал, как охнула бабка, когда с пулей в груди завалился на землю тот дед.

Одета бабка была плохонько: стеганный затасканный ватник, черные шаровары выглядывали из-под подолов нескольких юбок, напыленных одна на другую.

Вот солдат подошел к хозяйке совсем близко, но та по-прежнему не подавала виду, что знает о его присутствии: все копалась в земле, поправляя крест, подпирая его камнями. При этом старушка что-то тихо, но живо лопотала себе под нос, даже как будто на разные голоса разговаривала с кем-то. В речи то и дело слышалось имя Клава.

Солдат постоял чуток рядом со старушкой, потом ковырнул ботинком свежую рытвину от взрыва, она — молчок. Наконец заговорил:

— Здравствуй, бабка! — чуть ли не в самое ухо ее крикнул по-русски.

Та, дернувшись, подняла глаза на рыжего и перекрестилась.

— Кто там у тебя? Клава — дочь, что ли? — кивнул на крест — красивый, кованный, такие бывают на старинных погостах.

— Мама... папа... дядя и бабушки, — тонко, совсем как ребенок, ответила Никифоровна. Жалостливая гримаса появилась на ее лице, подбородок мелко затрясся.

— Чего они в одной могиле-то? — любопытствовал рыжий. Сразу старушка не ответила, и он, не дождаввшись, спросил о другом: — Русские, чеченцы есть в селе?

Солдат, поправив сползшую с плеча лямку АК, пристально изучал реакцию старушки на вопрос.

— А вы кто? — робея перед незнакомцем, спросила она.

— Кто мы?! — рыжий ухмыльнулся. — Да ты, видать, не только глухая, а еще и слепая! — он заржал и сунул старушке под нос рукав с шевроном и желто-синим флажком.

Старушка отпрянула, изменилась в лице:

— Немцы, значит.

Бабка явно была не в себе, и рыжий безразлично махнул рукой: мол, немцы так немцы, думай, как хочешь.

— Нет, пан, русских нет, — та запоздало пролепетала ответ на вопрос.

Узнав о расстреле деда Тараса, старухи, что еще оставались в селе, попрятались по хатам и почти не выходили. Те дома, что уцелели после обстрела украинских войск, заняли военные. Фронт громыхал, то отдаляясь, то приближаясь к селу.

Никифоровна сбилась со счета, сколько дней она провела в страхе. Месяц?.. Два?.. Все это время укронацисты жили у нее в доме. Рядом с БТР во дворе стоял танк, на башне которого флаг вермахта — красное полотнище с черными крестами, а ближе к древку — свастика в белом круге. Со вселением танкистов хлопот у хозяйки добавилось: теперь готовила она для шестерых. Себя и не считала: много ли надо ей?.. Да и ходила-то чумазая, нечесаная.

Постояльцы разговаривали кто на украинском, кто на русском. На теле у многих из них кресты синие и надписи — видела она такие у немцев, которые жили у них с теткой во время первой войны в сороковые.

В голове у Никифоровны все спуталось: кто живет теперь у нее — украинские каратели или фашисты? Для нее все «немцы», у кого свастика; остальных звала «панями». Постояльцы лишь посмеивались над ней, мол, хозяйка со страху «с глузду съехала».

— Бабка, ты хоть бы лицо умыла! Ходишь, как черт, вся в саже! — потешался над ней рыжий.

Его малость зацепило осколком — ничего серьезного, но теперь прихрамывал на левую ногу.

— Она чеченцев дожидается. Хочет, чтобы за свою приняли, — подхватил насмешки рыжего другой солдат — с татуированной свастикой на бритом затылке. Добавил: — Только режем мы их, — и поиграл в руке финкой. — А с тобой, старая, что делать, а?

Никифоровна отмалчивалась, делала свое дело: стирала мужское белье, готовила еду да шприцы собирала по всем закуткам в хате.

Когда впервые обнаружила она в доме своем шприц, решила, что болеют ее «паны» и «немцы», потому и колют себе лекарства. А как-то набралась смелости, спросила, что за «микстуру» такую панам выдают.

Те долго гоготали, рыжий ответил:

— Тебе, бабка, микстура эта ни к чему. Она другие болезни лечит!

— А что, может, ширнем бабульку? — со смехом предложил бритоголовый. — Автомат ей дадим! Или нет, лучше косу, чтоб сразу на смерть похожа стала, и на передовую пустим!

Степанида стояла посреди кухни и только глазами хлопала, ничегошеньки не понимая.

Время шло. Фронт вплотную приблизился к селу. Обстрелы сменялись затишьями. Огород Никифоровны превратился в изрытый колесами и гусеницами клочок земли — значит, урожай в этом году не будет. А еще больше старушка жалела своих несушек и петуха — всех пришлось скормить «панам» и «немцам». Одну только рябую наседку она все же попыталась скрыть. Думала, на горіще⁴ не найдут ее. Да где там! Выследил бабку рыжий, когда полезла та курочку кормить. Пришлось и последнюю под нож пустить. А рыжий, прихлебывая наваристый суп, бахвалился за столом, что от него ни одна сепарка не уйдет.

Пленных русских Никифоровна впервые увидела, когда возвращалась в хату с ведрами на коромысле. Бандеровцы с нашивками УПА выволокли и бросили посреди улицы четверых солдат с белой опознавательной повязкой на рукаве и связанными за спиной руками. Им было не больше двадцати пяти лет на вид. Среди них один бородач. «Чеченец, наверно», — догадалась Никифоровна.

Пленных сначала избивали ногами, а потом рыжий угрожал финкой, требуя, чтобы те встали на колени.

Старушка ни жива ни мертва просеменила мимо на непослушных ногах не в силах обернуться. За ее спиной послышались возня, клокочущие звуки, похожие на всхлипы, возглас «Аллаху акбар!» и снова клокотанье.

— Бабка, а ну стий! — когда уже поднялась на крыльцо своего дома, услышала она озлобленный голос рыжего.

Коромысло само сползло с ее плеч, вода выплеснулась на ступеньки. Никифоровна юркнула в хату и, не помня себя от страха, залезла в погреб. Как спустилась, изнутри надежно подперла люк: просунула меж скоб толстую жердину.

Схрон готовила загодя, с месяц: сперва тайком приносила в спальню остатки хлеба, керосина для лампы, спички, отложила шерстяное одеяльце, да тряпки, да кое-какую утварь, да пятилитровую канистру воды — все припрятывала в комнате. Потом, пока чужих в доме не было, хозяйка отворяла прикрытый домотканой дорожкой люк в полу между кроватью и сундуком и через лаз спускала свое добро вниз, в подполье.

Как только старушка закрепила жердину, в хату вбежал рыжий: Никифоровна узнала его по пришаркивающему тяжелому шагу. Шумел, разговаривал сам с собой, ругался, будто невменяемый, — видать, после «микстуры» своей... Кликал он Степаниду, а та, притаившись под полом, помалкивала. Тогда рыжий, конечно, сообразив, где хозяйка прячется, дернул люк — тот не поддался. «Сама сдохнешь, тварь!» — озлобленно крикнул он и шваркнул по полу тяжестью, припечатав люк, после чего, грохоча подошвами берцев, выбежал на улицу: как раз в это время стреляли. Между звуками от разрывающихся мин Никифоровна слышала шум работающего двигателя БТР, потом забумкал пулемет. Страшно ей было, а не меньше страшно от мысли, что быть ей заживо погребенной здесь, под домом, если в него попадет снаряд.

Все дни в заточении старушка с тревогой прислушивалась к этим звукам войны — то они приближались к ее дому, то отдалялись. А совсем близко, на огороде возле дома, танк стоял — так вот день назад сначала пару раз что-то оглушающе выбухнуло,

⁴ Горіще (укр.) — чердак.

и он, лязгая гусеницами, стал как будто отдаляться от хаты. Никифоровна слышала звон от разлетающегося на осколки стекла; стены задрожали, скрипом отозвались балки погреба, часто секло осколками смертоносного металла стены, но дом выстоял. В такие моменты, когда душа уходила в пятки, старушка начинала истово молиться, встав на колени перед иконой Николая Угодника.

С той пятницы — выходит, почти неделю уже — Степанида Никифоровна безвылазно сидела в погребе. О смене дня и ночи узнавала через вентиляционную трубу — по свету. Больше суток не слышала она топота у себя над головой. Ей бы подняться в дом — попробовала, убрав жердину, люк приподнять. А ничего не выходит: что-то неподъемное сверху. «Верно, сундук», — догадалась старушка, в нем она приданое на смерть держала.

Сегодня, в четверг то есть, поспокойнее — затишье между бомбежками, будто и у войны есть какое-то расписание. Опершись на деревянную стойку, Никифоровна поднялась с лавки и, шаркая по земляному полу, чтобы не дай бог не оступиться, пошла вдоль стеллажей с закрутками на зиму. Банок поубавилось; миновав пустые полки, встала возле той, что еще поблескивала стеклом. Взяла поллитровку с тушенкой и вернулась на свой наблюдательный пункт к вентиляционной трубе. Керосиновая лампа тускло освещала стол, накрытый тряпицей, рядом с ним на полу семь пустых пол-литровых банок из-под лечо и помидоров — по одной на каждый день в погребе — да на лавке еще открытая трехлитровка сливового сока.

Ухватив край крышки открывашкой, Никифоровна потянула ее вверх, стекло скрежетнуло, но не осыпалось. Затхлый влажный воздух погреба наполнился ароматом мясных консервов. Сгорнув⁵ в сторону слой жира, Никифоровна подцепила ложкой мясо и отправила в рот. Жевала долго, перетирая мясные волокна деснами и несколькими оставшимися зубами, заедала размоченным хлебом. Не прошло и пяти минут, как наверху, рядом с вентиляционным отверстием, звуками обозначилось чье-то присутствие, будто шкрябал кто-то о край чугунной трубы. Никифоровна поднялась и заглянула в отдушину: обзор кое-какой имелся — труба была проложена по наклонной и выходила возле стены дома. В отверстии увидела кошачью морду. Кошка скребла когтями о край трубы и мяукала, видно, учуяв запах мяса.

— Кыця! — позвала Никифоровна.

Как же счастлива была старушка, что ее кошка выжила в этом аду! А та, услышав голос хозяйки, закричала еще громче и требовательнее.

— Щас, Кыця, подожди!

На погнутой жестяной крышке Никифоровна протянула кошке тушеное мясо с жиром. Жестянка влезла в трубу. Чтобы доставить ее до кошки, Никифоровна взяла жердь и продвинула вглубь. У нее получилось, и в ответ снаружи донеслось жадное чавканье и благодарное мурлыканье.

Никифоровна, довольная, что смогла накормить любимицу, окинула взглядом погреб. Бревенчатые стойки надежно поддерживали перекрытие потолка, земляной пол — этакая настоящая крохотная темница. Керосиновая лампа на столе, иконка, банки — пустые, полные... Дожилась, вот и быт ее... Да не впервой...

2

Осенью 1941-го фашисты рвались к Донецку. Они сбрасывали на село, стоявшее на пути, бомбы, мины, били из артиллерии. Перепуганные насмерть селяне прята-

⁵ Сгорнуть — смахнуть, сдвинуть.

лись кто где мог: в подвалах домов, в землянках, убегали за край села ховаться в ярах. Шли ожесточенные бои за железнодорожный переезд возле села.

Семья шахтера Никифора Кацубы пряталась в землянке, вырытой на краю огорода. Она была построена на совесть — с перекрытием из бревен в два наката, стойками внутри — и, казалось, может выдержать любой удар. Окрестная земля ходила ходунном, гудела от взрывов, а внутри землянки порой лишь осыпалась с потолка. Чадила лампа, освещая тесное пространство робким огоньком.

Под защитой этих стен на лавках сидели шестеро: у входа — две старухи, в глубине — двое мужчин и женщина лет тридцати с маленькой девочкой на коленях. Волосы ребенка были растрепаны, а личико испачкано. Девчушка испуганно жалась к матери, а та, прижав к груди, гладила ее по кудлатой светловолосой голове и приговаривала, словно молитву: «Все хорошо, Стешенька. Не бойся. Все хорошо». От бревенчатых стоек исходил запах свежеекоренного дерева, так что иногда, как велела мама, девочка зажмуривалась и, прикрывая уши ладошками, представляла, что она в лесу ждет солнечного зайчика. Тот заглядывал в землянку днем через отдушину — кусок чугунной трубы. Но сейчас была ночь, и, понятное дело, солнечный зайчик не появлялся. Зато в свете керосинки Стеша видела на иконке, стоящей на грубо сколоченном столе, лик святого с окладистой бородой. Он тоже глядел на девочку, и в его добром взгляде были боль, сочувствие...

Той ночью, судя по звукам, взрывы все ближе подбирались к землянке. И вот наконец бомба легла совсем рядом. Раздались вскрики, чудовищный треск дерева, с потолка повалились большие комья земли, свет в землянке погас. И вдруг резко все стихло. Людей завалило.

Стеша чувствовала большую тяжесть на ногах и теплые материны объятия. Девочка позвала маму, громко заплакала, но женщина молчала. Стеша так сильно, как могла, прижалась к ней и услышала затихающие удары сердца в маминой груди. Поблизости раздался чей-то слабый стон.

Испуганная, не понимающая, что происходит, Стеша сильно-сильно зажмурила глаза и крепче прижалась к маминому бесчувственному телу. Дышать было очень тяжело, воздуха не хватало, невыносимо пахло гарью, дымом, песок попадал в нос... В это мгновение в голове у девочки возник тот самый святой с иконки. Одет он был во все белое, только лицо у него не серьезное, а ласковое, улыбка на губах. Ослабевшая Стеша уже теряла сознание, и вдруг какая-то сила освободила ее из-под тяжести и подхватила на руки.

Девочка стала дышать чаще, хватая свежий воздух ртом. Вокруг нее звучали голоса. Она приоткрыла веки и увидела черное ночное небо. И зайчик смотрел на нее сверху, только не солнечный, а лунный...

Той ночью в землянке погибли все родные Стеша. Саму девочку вытащили из-под завала соседи, которые знали, где скрывалась семья. Рассказывали они, как после бомбежки прибежали к землянке, а оттуда, считай из-под земли, будто луч света пробивается. Услышали люди плач — стали разбирать завалы, достали ребенка. Покликали: есть ли еще кто живой? Никто голоса не подал. Так и остались тела под землей, стала та землянка для них братской могилой. Стешу люди добрые отнесли к тетке Клавдии — родной материной сестре. А на руинах, когда земля пооблегла, поставили крест.

ВЫходила тогда Стешу родственница. Совсем плоха она была, в бреду лежала. Добывала где-то тетя Клавдия муку и пшено, чтобы было чем кормить племянницу. А еще Стеше запомнился горьковато-сладкий вкус шоколада: Клавдия подсовывала дольки его в рот слабенькому ребенку.

Так и стала та жить с тетей. А поскольку дом Клавдии был разрушен бомбежкой, поселились они в хате, где раньше жила Стеша с родителями.

В один из дней ранним утром девочку разбудил рокот работающих двигателей. Вскочила она с кровати и кинулась к окну. Поднялась и Клавдия. Едва глянув на улицу, женщина сразу метнулась к печке и, тронув сажу, провела ладонью по лицу, затем схватила грязный, засаленный ватник и накинула на себя.

По дороге в легкой дымке тумана ехали мотоциклисты, были они в черных кожаных плащах, с маленькими рожками на голове. Очень испугалась Стеша тех рожек: точно такие видела она у хвостатых чудовищ на картинке. Мама объясняла, что на ней изображены рай и ад, а рогатые чудовища обитают под землей, то есть в аду.

Один мотоцикл въехал к ним во двор.

— Русиш зольдатен? — громко постучав в дверь, коротко выпалил немец.

На крыльцо к нему вышла тетя Клава:

— Ни пан, нэмайэ русских, — ответила дрогнувшим голосом.

Стеша пряталась за тетей, исподтишка разглядывая незваного рогатого гостя.

Без приглашения, отодвинув хозяйку, солдат протопал в дом. В комнате скинул плащ, повесил на спинку стула и, положив на стол каску, уселся на стул. Оказалось, что он самый обычный человек. На нем была черная форма, на рукаве — шеврон с двумя молниями, на поясе — черная кобура. Мужчина закинул ногу на ногу и, кивнув на грязный сапог, приказал тете Клаве:

— Матка, ком!

Уже на другой день в селе начались расправы. За малейший проступок людей расстреливали, вешали. Всех сельчан сгоняли на такие показательные казни, даже детей. Тетя Клава, вынужденно приводя на расправы Стешу, прикрывала ей глаза, а сама потом подолгу плакала.

Той же первой военной зимой в селе зашептались, что немцев отбросили от Москвы, а в селе по-прежнему они стояли.

Как-то утром Стеша долго не вылезала с печи. В щелку меж белых занавесок она подглядывала, как завтракают постояльцы — четыре немецких солдата; их танк стоял во дворе, а сами они жили в хате. Втягивая носом ароматы, идущие от стола, девочка мечтала, что вот ломоть хлеба, а лучше бы кусочек сала с нежно-розоватыми прожилками упадет под стол и останется незамеченным.

Немцы, посмеиваясь, разговаривали меж собой, ели аккуратно и не спеша. Питание у них было отдельное, за расходом провизии следили строго, и за каждый пропавший кусок хозяйка могла поплатиться жизнью — такое уже случалось. Даже кот Васька пострадал от рук фашистов: был пойман с поличным. Улучив момент, забрался на полку к крынке со сметаной и, сунув морду под тряпицу, жадно зачавкал. «А, русиш партизанен?!» — в шутку возмутился фашист, заметив эту наглую выходку. Он схватил кота за шкуру и под аплодисменты гогочущих немцев отрезал у него усы. После того случая Васька пропал.

Завтрак кончился. Тетя Клава стала убирать со стола остатки еды. А Стеша только и ждала момента, когда сможет незамеченной пробраться на горьше — там тетка прятала курочку.

Вот все разошлись, но один немец остался. Разомлевший, сытый, он, развалившись на стуле, наблюдал, как тетя прибирает. Когда стол опустел, подозвал тетю Клаву:

— Матка, ком!

— Слухаю, пан, — с готовностью отозвалась она.

— Матка, шпик, млеко, яйка! — он хитро прищурился, явно затевая что-то.

Тетя опять выставила на стол крынку с молоком и шмат сала с краюхой хлеба, сложила руки на груди в ожидании следующих указаний.

— Матка, яйка! — велел немец.

— Нэмайэ яйц, пан, — и она указала на полку с продуктами.

— Найн, матка, — усмехнулся фашист. — Ко-ко! — и ткнул пальцем на горнице.

Наверное, тетя Клава выдала себя чем-то, так как немец, довольный собою, рассмеялся.

— Ай-яй-яй, матка! — в шутку погрозил он пальцем, после чего ткнул им в занавески на печи. — Киндер ко-ко яйки!

Стеша обомлела от страха, спряталась с головой под одеяло. Что будет теперь с ними и Чернышкой? Но наказаний и репрессий не последовало, немец никому не рассказал их секрет, за который они с тетей Клавой могли поплатиться жизнью. Осталась живой и Чернышка.

А потом немцы съехали из их дома, на постой почти сразу ввалились пьяные каратели. Сначала Стеша думала, что это тоже немцы, но от них она услышала привычную украинскую речь. Солдаты хвастались друг перед другом своими «подвигами» — кто сколько убил партизан.

Постояльцы приказали Клавдии принести в дом сена и свалить его возле печи. Они завалились на него, как раз перед топкой, в самое тепло. С гоготом солдаты ловили друг на дружке вшей, забрасывали их на раскаленную докрасна печь и ждали, пока вошь с шипением лопнет. В такие моменты кто-то обязательно выкрикивал на немецкий манер: «Партизанен капут!»

Стеша, забившись в дальний угол на печи, из-за занавески тайком подглядывала за постояльцами. А тетя Клава, вымотанная голодом и работой, придерживаясь за выбеленную стену, мыла им исподнее и форму.

Тетку Стешину убили украинские каратели в 1942 году, летом. Выдала ее соседка Горпына, мать Тараса: рассказала фашистам, что муж Клавды в Красной армии офицером служит — воюет, значит, против вермахта. Взамен за эти сведения попросила Горпына выдать ей пленных красноармейцев, чтобы те на огороде у нее батрачили.

После смерти тетки Стешу люди добрые забрали, увезли в город. В родное село она вернулась спустя многие годы после окончания войны, уже совсем взрослой. С Горпыной до самой ее смерти Степанида не разговаривала, даже дом стороной обходила. А на Тараса злобу не держала: он ведь и ни при чем. И по-украински Степанида больше не говорила — будто вовсе забыла язык. Запретила себе помнить о той войне, а новая война без спросу пришла к ней в дом.

3

Степанида Никифоровна открыла глаза. С улицы ни звука; с некоторых пор тишина мешала ей спать: что-то было в ней тревожное. Привычнее было засыпать под звуки обстрелов.

Старушка села на лавке, укрытой тряпьем, и свесила ноги. В погребе было темно: керосин кончился, а по вентиляционной трубе свет не проникал — выходит, ночь.

Никифоровна вспомнила, что Кыця вот уже несколько дней не приходила. Забеспокоилась старушка, не случилось ли чего?.. Степанида слезла с лавки, сунула озябшие ноги в задубевшие от холода калоши. Вся одежда Никифоровны отсырела, теплые носки тоже.

Сколько же дней прячется она в подвале? Счет потеряла.

Открыла коробок со спичками: осталось их совсем немного. Непослушными пальцами вынула одну, нащупала серную головку и чиркнула ею по коробку. Свет выхватил из темноты уголок, в котором обитала она многие дни. А может, многие недели?.. Кто его знает...

Догорев до старухиных пальцев, огонек погас и не ожег их, с запозданием Никифоровна легонько дунула на черный огарок. Пока горела спичка, успела оглядеть свое хозяйство. Перед Степанидой — лавка, на ней лежит иконка. Длинная тень от керосиновой лампы краем своим уперлась в пустые банки. Три рядка по пять банок, четвертый ряд не полный — в нем три банки, их считать надо отдельно: одна банка на два дня. Запасы еды кончались, пришлось экономить, особенно тушенку — ее Степанида берегла для кошки. Вода тоже была на исходе. Компоты с их приторно-сладким вкусом она уже не могла терпеть: жажды они не утоляли, наоборот, мучили сухостью во рту. Из того, что можно было пить, оставалась литровая баночка яблочного сока и стакан воды.

Никифоровна чувствовала, как все больше слабеет с каждым днем, как вытягивают из нее жизненные силы холодные влажные стены и тьма, окутавшая со всех сторон.

Каждый раз она ждала, когда с улицы послышится мяуканье Кыци, но все трудней было пропихивать жердью еду для кошки наверх, все чаще старушка думала о неотвратимом — о смерти. Размышляя об этом, она вздыхала, вспоминая о сундуке, который стоял на люке и не давал выйти. Степанида уже не пыталась сдвинуть его с места — сил совсем не было.

Сидя в темени, сокрушалась: кто омоет ее тело после кончины, оденет во все новое, похоронит?.. Старушка перебирала в уме свое погребальное «приданое»: платки, наглаженное льняное платье, церковные свечи, лампадка и кусочек ладана. А на самом дне в потайном месте лежал золотой царский червонец, доставшийся ей еще от бабки.

Прошло сколько-то дней. Кошка все не шла. Погибла, не иначе. Знать, и ее время пришло. В коробке у Степаниды оставалась одна спичка — последняя. Она нащупала на столе керосинку и решила попробовать ее зажечь, хотя керосина в ней почти не было. Никифоровна вытянула фитиль, чиркнула спичкой. Повезло: лампа зажглась. Степанида, опершись на лавку, опустилась на колени перед иконой Николая Угодника и, не сводя глаз со святого лика, начала молиться.

— Отче наш... — шептали иссушенные губы, — иже еси на небеси... — Лампа тускло горела, а Степанида перебирала слова долго, протяжно.

И вот наверху как будто возникло какое-то оживление: кто-то ходил по хате. Старушка прервала молитву, прислушалась. Хруст стекла под подошвами! Но это не рыжего шага — тот прихрамывает и ступает иначе. А тут осторожная твердая поступь, будто кто-то присматривается, прежде чем поставить ногу.

Никифоровна насторожилась. Сердце ее забилось чаще от волнения. Но непонятно было, радоваться ей или опасаться, а может, к смерти готовиться?..

Шаги вдруг прекратились, после долгой паузы послышалась человеческая речь.

— «Тэрэк», прием, эта «Гюрза»! — говорили с сильным акцентом, но не с украинским.

Послышались треск и настороженное шипение рации, она ответила на чистом русском языке:

— Слушаю, «Гюрза».

— «Тэрэк», у мнэ всо чиста. Дэржу сэктор.

— Понял, «Гюрза», выдвигаемся.

Никифоровна решила: кто бы это ни был, она должна выйти отсюда. Хотя бы чтобы в последний раз увидеть солнечный свет, вдохнуть свежего воздуха, обогреться лучами солнца. Старушка попыталась встать с лавки, но вдруг осознала, что силы совсем иссякли.

С улицы тоже стали доноситься незнакомые голоса. Никифоровна слышала их совсем рядом, возле самой стены. Выходит, к ее дому пришли какие-то люди и громко разговаривают, мешая русские словами с другими — гортанными.

И вдруг — тонкое протяжное мяуканье. «Кыця!» — догадалась Никифоровна.

— Э, Нажа, брат, тут кошка совсем звер! Иди пасматри! Рысь, а не кошка! Труба не отходит, кричит как патэрпэвший! И тут крышки! Многа!..

Снова шипение рации — это уже в доме, над головой Никифоровны.

— «Гюрза», правер падвал в доме. Может, погрэб какой ест. Здес кошка, тут труба — вниз, пад дом. Может, завот каво? Как понял? Прием!

— Понял тэбэ, «Тэрэк».

С улицы слышны одиночные выстрелы, вот кто-то зычно выкрикнул:

— Аллаху акбар!

Старуха Степанида, стоя на коленях перед иконкой, слабой дрожащей рукой наложила на себя крестное знамение.

— Слава тебе, Николай Угодник, русские пришли! — чуть слышно шептала синюшными губами.

Снова шаги, шум сдвигаемого сундука, бряцанье железного кольца на люке — и столб электрического света спустился в погреб.

— Ест кто живой? — услышала Степанида Никифоровна голос сверху.